

ИРИНА МЕДВЕДЕВА, ТАТЬЯНА ШИШОВА

ЦАРСТВО СУДЕЙ

Жизнь по решению суда

В России, похоже, скоро введут (“как во всем цивилизованном мире”) ювенальную юстицию. Закон о ювенальном суде пока окончательно не принят, но уже прошел полпути – два чтения в Думе. И, кажется, что здесь плохого, – если делами несовершеннолетних будут заниматься специальные судьи в отдельном здании? Между тем в материалах “для внутреннего пользования” не раз уже проскальзывала мысль, что закон о ювенальном суде – это тот стержень, на который будут впоследствии нанизываться остальные законы, касающиеся прав несовершеннолетних. И что без введения ювенального суда коренные реформы в этой области невозможны. Так что отдельными постановлениями дело, по-видимому, не обойдется...

Нам уже приходилось высказываться в печати по поводу того, что в современном контексте понимается под правами ребенка (вплоть до права на выбор сексуальной ориентации или на свой стиль жизни, в том числе связанный с употреблением наркотиков) – а именно такая трактовка этих прав заложена в основе принятой на Западе концепции ювенальной юстиции. Писали и про невозможность в рамках этой концепции воспитывать детей, поскольку в них будет поощряться доносительство на родителей и педагогов. И про то, что жертвами ювенальной юстиции станут у нас прежде всего культурные родители и равнодушные педагоги, пытающиеся, при нынешнем разгуле вседозволенности, удерживать детей от соблазнов. Высказали предположение, что истцами, обращающимися в ювенальные суды, станут в основном избалованные, развинченные, демонстративные дети, а вовсе не истинные жертвы родителей-злодеев (которых вполне можно наказывать в рамках уже существующих законов). Однако самый, может быть, важный аспект мы все же упустили из виду.

“Снижение вреда” по решению суда

И помогли нам заметить этот аспект ювенальной юстиции ее защитники. Как-то раз в одной из оживленных дискуссий они дали, по их выражению, “алгоритм” действия этой новой системы. Текст этот, как и все подобные “общечеловеческие” казенные бумаги, был безупречно гладкий, гуманистичный, акцентированный на интересах ребенка. Но вот цитата:

“Основой системы помощи детям группы риска вместо ведомственных структур становится судебное решение, содержащее индивидуальный план реабилитации конкретного ребенка” (“Аналитическая записка о состоянии и проблемах законотворчества”. См. www.pprf.ru/img/uploaded/2005012010294872.doc).

Да... Похоже, реформа действительно коренная. Ведь в функцию судов, насколько мы понимаем, раньше входило определить степень виновности человека и, в соответствии с ней, назначить ту или иную меру наказания (или отпустить на свободу, если доказана невиновность). В гражданских же делах, связанных с детьми (развод и определение, с кем останется ребенок, лишение в исключительных случаях родительских прав, раздел жилплощади), опять-таки никакого плана реабилитации суд не назначал. Но это пока не было ювенальной юстиции.

Теперь же, утверждают ее сторонники, “нужна система обязательной, а не добровольной, как сейчас, психологической реабилитации” (см. “Информационную подборку к круглому столу по теме “Ювенальная юстиция в Российской Федерации: проблемы правового обеспечения”. Федеральное собрание РФ. Парламентская библиотека, октябрь 2007 г., стр. 70). И “ювенальные суды должны в полной мере брать на себя воспитательную функцию хотя бы потому, что другие суды с этой функцией пока не справляются”.

Ну и что тут, казалось бы, такого? Разве детей группы риска не надо реабилитировать, то есть помогать им исправиться? И чем плохо, если план исправления будет составлен в суде?

А тем, что решение суда обязательно к исполнению, это вам не рекомендация врача, педагога или психолога. Конечно, бывают случаи, что решения суда не выполняются. Но это когда “хромает” механизм контроля за выполнением решений. Что же касается ювенальной юстиции, можете не сомневаться – такой контроль будет налажен неплохо. Благо есть обширный международный опыт. Да и отечественный потихоньку уже накапливается в многочисленных “пилотных” регионах.

И снова кто-то возразит: “Очень даже хорошо, что решение суда обязательно надо выполнять, больше будет порядка. А то развели тут анархию...” Но порядки бывают разные. И в современной западной реальности, откуда приходит к нам ювенальная система, реабилитация подростков группы риска строится на вполне определенных принципах. Широко используются, например, реабилитационно-профилактические программы “снижения вреда”. Применительно к “тяжелой” наркомании суть этих программ состоит во внедрении *заместительной терапии*: заменой героина на наркотик метадон. Такая практика применяется на территории ряда европейских стран. В России метадон запрещен (наши медики считают, что этот наркотик героинового ряда ничем не лучше героина), и активисты Всероссийской сети снижения вреда (ВССВ) пока что ограничиваются растлевающими молодежь акциями по раздаче шприцев на “полевых точках доверия”.

А теперь еще одна цитата из вышеупомянутого “алгоритма”: “Каждое судебное решение дает возможность корректировать поведение и функции отдельных служб и ведомств через механизм частных судебных определений”. В переводе с юридического языка на обыденный это означает, что если, например, несовершеннолетнего наркомана решат “реабилитировать” по программе снижения вреда, то педагоги, работающие в центре реабилитации, не смогут отказаться и применить вместо нее программу, больше соответствующую их профессиональным и нравственным понятиям. Ведь что такое “частное определение”? Это указание суда по какому-то конкретному поводу. В разбираемом случае – по поводу того, как следует поступать с несовершеннолетним наркоманом.

И тогда уже бессмысленно будет созывать конференции и писать письма в РОНО, Минздрав или Госнаркоконтроль. Они не только не смогут повлиять на суд, но и в определенных случаях должны будут “скорректировать свое поведение и функции”, подстраиваясь под судебный вердикт. Госнаркоконтроль, скажем, будет против программы снижения вреда (во многих регионах сейчас так оно и есть), а суд – за. И решение суда перевесит, получается, полномочия ведомства.

Или возьмем, в качестве реабилитационного метода, так называемое нейролингвистическое программирование (НЛП). Не все специалисты к этому методу относятся положительно; православные же психологи в массе своей и вовсе его отвергают, считая неприемлемым для себя манипулировать психикой пациента в обход его сознания и воли. Пока что психологи и социальные работники, занимающиеся коррекционной работой с детьми и подростками, вольны отказаться от этого или какого-то другого метода, вызываю-

щего у них возражения. И никто их за это с работы не выгонит. Но если суд, разрабатывая конкретную программу реабилитации, найдет нужным применение НЛП, тут уже никуда не денешься. Или применяй, или увольняйся.

То же относится к психоанализу, который, напомним, склонен объяснять все беды и трагедии человека (в том числе социальные) нижепоясными проблемами, обусловленными “ранними сексуальными травмами”, вина за нанесение которых, как правило, возлагается на родителей. Пока что этот метод не приобрел в нашей стране особой популярности – не побежали в 90-е годы обездоленные “совки” к психоаналитикам. Но, поскольку один из главных постулатов “ювенальщиков” – “во всем виноваты родители”, то психоанализ подходит тут просто идеально, тема родительской вины в нем разработана многопланово и в деталях. В Германии – по крайней мере, в 90-е годы, но думаем, и сейчас тоже – он насаждался прямо-таки железной рукой. Психологи, с которыми мы там контактировали, жаловались, что им не оставляют свободы выбора: страховая медицина оплачивает лишь коррекционную работу по психоаналитическим методикам или по методу игротерапии. Широко применяется психоанализ и в других странах. Почему же в России, пытающейся взять за основу западную модель ювенальной юстиции, должно быть иначе?

Не позавидуешь и медикам, которым придется работать по указке ювенальных судов. Пробьют, например, в России применение риталина (возбуждающее средство, производящее фармакологические эффекты, подобные воздействию кокаина и амфетамина) или метадона, – и будь любезен, применяй, забыв не только об индивидуальном врачебном искусстве, интуиции, но и о главной врачебной заповеди: “не навреди”. Мало ли что риталин – препарат наркотический, после которого подростки обычно “пересаживаются” на героин? А в решении суда сказано – применить. Еще вопросы есть? Иди и выполняй. Так что ювенальная юстиция лишит врачей, как и психологов и педагогов, свободы неучастия во зле.

Чужие в доме

Но не надо думать, что ювенальная юстиция создается только для малолетних наркоманов, хулиганов и преступников. Вернемся к той же “Аналитической записке”: “Ювенальный суд прежде всего рассматривает дела несовершеннолетних, находящихся в ситуации опасности, т. е. детей, еще не совершивших правонарушений. Таким образом реализуется профилактическая функция судебного решения”. Кстати, в ситуации опасности, по отзывам некоторых специалистов, в России находятся практически все дети. И “ребенок в опасной ситуации” – это уже не просто фигура речи, но и юридическое понятие, включенное в российское законодательство. А поскольку от опасности надо спасать, то таким спасением и занимаются во всем мире ювенальные службы. Суммируя вышесказанное, нетрудно сделать вывод, что когда ювенальная юстиция заработает (если мы это допустим) в России на полную мощь, ее представители получат беспрепятственный доступ в каждую российскую семью.

Пока что социальный работник не может прийти в любой дом, рыться в шкафах, заглядывать в холодильник, допрашивать детей, как к ним относятся родители, не нарушают ли их права. Такое возможно лишь в исключительных случаях – или когда дети живут в действительно неблагополучных семьях, или когда они уже состоят на учете в милиции. Но большинство семей не относятся ни к той, ни к другой категории. Взрослые члены этих семей расценили бы такой приход “спасателей” как грубейшее вторжение в частную жизнь и не пустили бы их на порог. И что самое важное – никто им пока за это ничего не сделает!

Но в “ювенальной” реальности все по-другому. На Западе вы не можете не пустить к себе работников служб, которые занимаются защитой детей. А если не пустите, вам же хуже. Они ведь не просто приходят с инспекцией, а составляют рапорт, от которого зависит судьба вашей семьи. Напишут, что все у вас хорошо – ребенок останется с вами. Придерутся к чему-нибудь – и у ювенального суда появятся веские основания изъять ребенка из семьи. Ведь его необходимо защищать от опасности! Таким образом, твой дом – уже не твоя крепость. Отец с матерью уже не главные в своей семье, а главные – сотрудники ювенальных служб, которые лучше знают, как правильно воспитывать ребенка, чем его кормить, чему учить, как лечить и одевать.

И чтобы нас не обвинили в некомпетентности, сошлемся на заключение, составленное весьма компетентными юристами московской организации “Родительский комитет”. Эти люди именно профессионально, пользуясь российским законодательством, противодействуют либеральным тенденциям, направленным на разрушение семьи. Вот выдержка из заключения:

“В рамках проектов ювенальной юстиции родители превращаются из законных представителей, обладающих правом на преимущественное воспитание своих детей, в мишень для правовых органов и социальных служб. Не может не волновать каждого родителя то, что данными законопроектами ставится под угрозу независимость семьи, ее право самостоятельно решать вопросы семейной жизни, право родителей определять приоритеты воспитания и устройства семейной жизни, традиционные детско-родительские отношения, исходящие из подчинения младших старшим. Возможность неконтролируемого вмешательства разнообразных структур в дела семьи и ограничение естественного права родителей на воспитание ребенка в избранной ими системе ценностей ведут к размытию функций семьи, ее естественных прав на независимое и саморегулируемое устройство, нивелируют конституционные принципы, Закон о семье. ...Родители не только фактически устраняются от решения вопросов защиты прав своих детей, но становятся предметом пристального контроля со стороны этих самых органов. В интернете имеется примерный контракт одного муниципального образования с неправительственной организацией на продвижение ювенального проекта стоимостью более чем в миллион рублей. А ведь такие деньги надо освоить. Значит, нужны конкретные дети, подпадающие под орбиту ювенальной юстиции”. (XVI Международные образовательные Рождественские чтения. М., 2008, Конференция “Родительское общественное движение: семья и образование”, раздаточные материалы.)

При этом изъять ребенка из семьи при переходе на ювенальную юстицию будет гораздо проще, чем сейчас. Пока что для этого нужны очень весомые аргументы, доказательства фактически преступного отношения родителей к детям. Но это только до тех пор, пока жив традиционный взгляд на семью. Пока общество и государство убеждены, что родную мать, даже не очень хорошую, никто не заменит. Что самые лучшие, самые богатые и образованные приемные родители не могут дать ребенку того, что дает ему кровная семья. И ее поэтому нужно сохранять до последнего.

Ювенальная же юстиция смотрит на эту проблему совершенно иначе. Кровное родство – ничто или почти ничто. Недаром словосочетание “родная мать” так назойливо заменяется вроде бы более современным, наукообразным, а по сути – оскорбительным термином “биологическая мать”. Потеря же “биологической семьи” никакая не трагедия, неизбежно накладывающая отпечаток на всю последующую жизнь ребенка, а наоборот, это защита ребенка, находящегося в опасной ситуации. И чем скорее его удастся защитить, тем лучше. А поскольку современные родители якобы ничего не умеют (тема их несостоятельности, некомпетентности педалируется вовсю), опасную для детей ситуацию “ювенальщик” волен усмотреть на каждом шагу. Идеология и практика применения ювенальных законов таковы, что позволяют весьма расширительно толковать понятия прав ребенка, физического и психического насилия, а также опасной ситуации. Слишком многое тут зависит от настроения, взглядов и произволения судьи и сотрудников социальных служб.

Мы хотим лишний раз подчеркнуть: *корень* этой коренной реформы в области защиты прав детей в том, что резко принижается, фактически обесценивается роль настоящих, кровных родителей. Ребенок искусственно вычленяется из семьи, наделяется приоритетными правами и противопоставляется родителям. Они же фактически лишаются права голоса и вынуждены подчиняться диктату всемогущих и всеведущих специалистов, которые не только не видят никакой особой разницы между родной семьей и приемной, а даже считают приемную семью предпочтительней, поскольку легко изымают детей из родной семьи и отдают в приемную или в приют.

Конечно, пока они еще не осмеливаются четко и определенно заявить об этом вслух. Могут, наоборот, уверять, что они всемерно стараются наладить, укрепить семейные отношения. Но реальность свидетельствует об обратном. Официальная причина, по которой у актрисы Натальи Захаровой отняли во Франции (где она жила, выйдя замуж за француза) трехлетнюю дочь, это “удушающая материнская любовь”. Так было написано в решении суда.

Вдумайтесь в этот вердикт! Мать сочли недостойной воспитывать свою девочку, потому что она слишком сильно ее любила. Разве можно себе представить, что в системе, сохранившей нормальный, традиционный взгляд на роль матери в жизни ребенка, особенно такого крошечного, избыток материнской любви стал бы основанием для отнятия дочери? В ювенальной же Франции подобные случаи отнюдь не единичны.

Преступным в поведении Натальи Захаровой сочли и то, что она купила ребенку такую же кофточку, как себе. Сотрудники социальных служб обвинили ее в том, что она хочет подавить индивидуальность трехлетней Маши, сделать ее похожей на себя. У другой французской матери отняли сына за то, что она слишком долго, по мнению защитников прав несовершеннолетних, держала его без движения в прогулочной коляске. Она делала это, чтобы он не бегал по онкологической клинике, куда она приезжала вместе с ним навестить больную раком старшую дочку. Но ее доводы не были приняты во внимание. Кстати, эту больную дочку тоже отняли – реализовав, вероятно, заодно таким образом «профилактическую функцию судебного решения».

А в Америке, где запрещено оставлять без присмотра детей до 12 лет, родителям предстоит серьезное разбирательство «за создание ситуации, опасной для жизни ребенка», если они отлучатся даже совсем ненадолго.

Список родительских «злodeяний» можно продолжать до бесконечности – основанием для отнятия ребенка может стать все что угодно, было бы желание ювенального суда. Например, в Австралии подросток решил отпраздновать свое пятнадцатилетие в «Макдональдсе», пригласив 30 человек гостей. Отец возразил, что это многовато, он такую сумму «не потянет». Мальчик пожаловался защитникам детских прав, и отец был поставлен перед выбором: либо он все-таки изыскивает деньги на детский банкет, либо ему придется распрощаться с сыном. Ребенок ведь не должен чувствовать себя хуже других! Если в их классе так принято отмечать день рождения, значит отец своим отказом его психически травмирует.

Не спасают ни деньги, ни связи, ни известность. Американскую поп-звезду Бритни Спирс обвинили в том, что оба бассейна на ее вилле могут представлять опасность для ее детей, играющих неподалеку, поскольку не соответствуют предписанным законом требованиям. В результате она, не выдержав напора сотрудников калифорнийской Службы защиты детей, переехала с детьми в гостиницу. Но детей у нее потом все равно отняли.

И еще один характерный аспект проблемы. Для нас, честно говоря, долго оставалось загадкой, почему западные родители не восстают против растления детей под видом sex-education. Неужели они и вправду, как уверяют нас сторонники сексуального просвещения детей, все поголовно «за»? Ситуацию прояснил случай с баварской школьницей. Родители-католики, узнав, что их пятнадцатилетней дочке Мелисе Бусекрос демонстрировали на соответствующем уроке фильм с половыми актами, перестали пускать девочку на уроки. Администрация школы, озабоченная тем, что нарушаются права ребенка на получение образования (и в том числе – информации о репродуктивном и сексуальном здоровье), обратилась в соответствующие инстанции. Девочку отвезли к психиатру. Он поставил диагноз «фобия школы», возникновение которой, естественно, бросало тень на родителей. Через некоторое время, поскольку девочка упорствовала в своем нежелании ходить в школу, ее изъяли из семьи и поместили в клинику для душевнобольных. Там девочка впала в депрессию, пыталась покончить с собой. Потом написала письмо в группу защиты прав ребенка, умоляя воссоединить ее с родителями. Но, как было сказано в публикациях на эту тему (см. сайты World Net Daily, «Седмица. Ru» или «Православную газету для простых людей» № 2 (февраль 2007 г.)), власти не спешат вернуть девочку в семью, мотивируя это заботой о состоянии ее здоровья. А годом ранее других немецких родителей и вовсе посадили в тюрьму за то, что их ребенок получал образование дома.

В Германии, где сексуальное просвещение школьников обязательно («идеал», которого пока не удается достичь у нас), образование на дому считается тяжким преступлением. Так что, похоже, единодушная или почти единодушная поддержка западными родителями детского «секспросвета» и прочих либерально толкуемых прав ребенка сродни тому, как при тоталитарных режимах народ всегда единодушно одобряет очередные решения очередных партсъездов. Не потому что народ такой монолитный, а потому что рыпаться опасно.

А у нас, кстати, статья 22 одного из вариантов законопроекта “Основы законодательства о ювенальной юстиции” предполагает привлечение в систему ювенальной юстиции специалистов, владеющих знаниями в области “планирования семьи” (то есть, в частности – того же секспросвета несовершеннолетних). Недаром бывший исполнительный директор Российской ассоциации “Планирование семьи” (РАПС) И. И. Гребешева высоко оценила в своем официальном отзыве упомянутый законопроект.

Образы недалекого будущего

Ну а теперь давайте представим себе самую обыкновенную семью, каких в нашей стране огромное множество. Мать, отец, ребенок. Родители не наркоманы, не алкоголики – в общем, не маргиналы. А с другой стороны, и ригоризмом особым не отличаются – со школьным “секспросветом” не воюют и против увлечения детей компьютерными играми не возражают. При этом нельзя сказать, что они совсем не занимаются воспитанием; есть вещи, на которые они не собираются смотреть сквозь пальцы. Им хочется, чтобы ребенок хорошо учился, и не хочется, чтобы он прогуливал школу. Не хочется также, чтобы посылал их на три буквы, превращал свою комнату в хлев и на любую просьбу помочь по хозяйству отвечал: “А почему я?” Согласитесь, это очень скромные и очень естественные требования. Так сказать, минимальный стандарт.

Теперь давайте представим себе такую довольно распространенную ситуацию. Сын, войдя в подростковый возраст, запускает учебу, может прогулять школу, хамит, огрызается. Просьб родителей выполнять не желает, зато часто и настойчиво требует денег. В какой-то момент, когда ситуация уже зашкаливает, они решают проявить твердость и говорят, что так дальше дело не пойдет. Подтянешь учебу – получишь денег на апгрейд компьютера. А принесешь еще одну двойку – даже не проси. И ни с какими друзьями ты никуда не пойдешь, пока не приберешься в комнате.

Сейчас этот, в общем-то заурядный, бытовой конфликт может разрешиться двояко. Либо взрослым удастся переломить ситуацию (для чего требуются выдержка, твердость и одновременно такт, умение пойти на разумный компромисс), либо они, спасовав перед истерическим напором, сдаются со всеми вытекающими из этого последствиями. Но решение принимают *они*. Даже если оно неправильное, оно все равно их собственное. Никто извне не диктует им, как жить, никто не посягает на их роль в семье и, соответственно, не навязывает им план воспитания ребенка. И если они обращаются за помощью к психологу или к психиатру, то делают это по своей доброй воле и могут советами специалиста пренебречь.

Как же будет развиваться этот популярный детско-родительский конфликт в условиях ювенальной юстиции? Парень жалуется в соответствующие органы, что его притесняют: заставляют убираться в комнате, не пускают гулять с друзьями, да еще не дают карманных денег. Отца с матерью вызывают “куда следует” и популярно объясняют, что комната сына – его личная территория, где он волен устраивать то, что ему хочется. Может, беспорядок больше соответствует его индивидуальности и помогает самореализации?! И запрещать прогулки с друзьями нельзя – ребенок должен дышать свежим воздухом и не должен испытывать дефицита общения. Что же касается денег, то лишать ребенка средств на карманные расходы значит препятствовать его социализации. Причем деньги надо давать независимо ни от чего и не меньше, чем в среднем получают одноклассники, чтобы мальчик не чувствовал себя ущербным.

– Но ведь он нас не уважает, хамит, школу прогуливает, двоек нахватал! – пытаются оправдать свои воспитательные меры родители.

И слышат в ответ, что, во-первых, уважение следует заслужить. Они же, судя по всему, не сумели этого сделать. Во-вторых, надо учитывать особенности подростково-молодежной лексики. Тридцать лет назад матерные выражения считали чем-то ужасным, а сейчас критерии изменились. Насчет школы – да, тревога обоснованная. У нас обязательное среднее образование, поэтому с мальчиком будет проведена разъяснительная работа. Но добиваться хороших оценок, если сын их не получает, не только бессмысленно, но даже вредно. Завышенные требования травмируют психику и могут привести

к школьному неврозу. В общем, родители попадают под прицел ювенальных служб. Их предупреждают, что за семьей теперь будет вестись постоянная слежка (это неприятное слово, правда, заменяется более политкорректным “мониторингом”). И если сын будет и впредь недоволен своим положением в семье, – их придется лишить родительских прав.

По меньшей мере озадаченные, а скорее подавленные родители возвращаются домой, обдумывая по дороге, что они скажут своему отпрыску. Но оказывается, ему в ювенальном суде уже все сказали. Они еще не успевают раскрыть рот, как слышат: “Ну что, съели?” И начинается новая жизнь.

Парень делает что хочет. Родители безропотно дают деньги. Прогулы школы, правда, продолжаются, но психолог (он же *ювенолог*) загадочно отвечает, что они над этим работают. И действительно – на зимние каникулы парня отправляют в подростково-молодежный лагерь для проблемных детей. Там у него появляются новые друзья, причем некоторые из них больше походят на “лиц, находящихся в конфликте с законом” (так теперь предлагают в духе политкорректности называть несовершеннолетних преступников). Но поговорить на эту тему с сыном родителям не удается, так как он всякий раз посылает их подальше, заявляя о своем праве дружить с кем хочет и размахивая перед их носом бумажкой, полученной в суде.

Через некоторое время родители обнаруживают у сына наркотики. Тут уж они дают волю гневу и идут в ювенальные службы требовать объяснений. Дескать, посмотрите, до чего вы довели мальчишку, связав нам руки! На это им холодно отвечают, что довели как раз они, родители – тем, что *недолюбили* ребенка. Выясняется, что ювеналы, “осуществляющие сопровождение” их сына, давно знают о потреблении им “психоактивных веществ (ПАВ) опийной группы”. Но родителям не сообщали об этом вполне сознательно, чтобы не обострять и без того конфликтные отношения в семье. Да и стоит ли так волноваться? Во-первых, у взрослых своя жизнь, а у ребенка своя. Он имеет право на свой опыт, на свои ошибки. Во-вторых, *наркоаддиктов* сегодня немало, это один из популярных молодежных стилей жизни. Подрастет – образумится. А пока, если они настаивают на коррекционных мерах, мальчика можно включить в программу “снижения вреда”.

История эта хоть и сконструирована нами, но в ней нет никаких элементов фантастики. Скорее, она созвучна направлению, которое принято называть “гиперреализмом”. И на Западе все фрагменты нашей собирательной истории уже наличествуют.

Свидетельство тому – вполне реальная (и весьма типичная!) история, произошедшая в Голландии и описанная в книге “Пастернак против Нидерландов” (М., ЭРА, 2007). Однофамилец великого поэта в начале 90-х покинул родную Одессу и уехал с семьей в эмиграцию. Когда его дочери Ире исполнилось 14 лет, она попала под влияние более “продвинутой” подруги, сдала в учебе, начала прогуливать школу, требовать денег – в общем, все как в нашей гипотетической истории. И хотя родители почти ни в чем ее не ограничивали и даже чрезмерно баловали, Ире хотелось еще большей свободы. Она начала жаловаться в инспекцию по делам несовершеннолетних. Ее там, естественно, поддержали. Вот она, приоритетность прав ребенка в действии!

И когда отец вопиющим образом нарушил права Ирины, попытавшись ваткой стереть с ее лица чересчур, на его взгляд, вульгарную косметику, ее укрыли от “жестокости обращения” в приюте. Когда же родители попытались вернуть дочку, их лишили родительских прав. Пастернаки обращались во всевозможные инстанции, дошли до голландской королевы и Европейского суда. Всего ими было написано порядка 60 жалоб. Результат был всегда один и тот же – нулевой. “Всех, кому мы отправляли факсы и письма, – свидетельствует Пастернак, – мы просили о встрече, чтобы подробнее рассказать и показать факты беззакония. Но инстанции вновь и вновь писали нам стандартные ответы, а все наши жалобы пересылались тем, на кого мы жаловались – и все оставалось по-прежнему” (стр. 96). Спасло ситуацию только то, что примерно через год Ирина вернулась домой сама. Если бы не это, они бы ее не увидели как минимум до совершеннолетия.

В книге дан краткий, но емкий портрет человека, который пытается воспитывать родителей: “Однажды... когда мы в очередной раз были в полиции, полицейский уговаривал меня, чтобы я не слишком реагировал на странное поведение дочери. На то, что она обратилась в инспекцию. Говорил, что это

просто такой возраст. Переходный подростковый возраст. У него, мол, само-го дочь тоже курит, красится и принимает наркотики. Что ничего страшного. Потом пройдет. Просто в 14–15 лет все девочки становятся стервами. Ты, мол, плохо знаешь свою дочь и не умеешь ей доверять. Будто бы он своим “доверием” воспитал образец для подражания” (стр. 128).

Актриса Наталья Захарова в своих интервью говорит, что на тему незаконного изъятия детей из семьи и “беспредела” ювенальных судей во французской прессе негласно наложено вето. Григорий Пастернак свидетельствует нечто подобное о произволе, царящем в области защиты прав детей в Голландии: “Люди отчего-то очень злятся, когда спрашиваешь что-то на эту тему. Все стараются не обращать внимания на негативные стороны жизни. Это мне напомнило время, когда я искал редакцию газеты, где могли бы о нашем деле напечатать. Ответ из большинства редакций был следующий: “Нам это неинтересно, мы печатаем только положительное” (стр. 166).

По поводу российской специфики

В ответ на постоянно множасьщиеся примеры ювенальных бесчинств на Западе отечественные сторонники этого “требования времени” любят говорить, что у нас все будет по-другому. Однако постоянно множасьщиеся примеры того, что (пока еще в качестве подготовки почвы) происходит у нас, не дает оснований для оптимизма. Например, в Таганроге, где уже существует ювенальный суд, школьник подал иск на учительницу, которая наказала его за хулиганское поведение, не взяв на экскурсию. Возмущенный попранием своих прав ребенок (надо полагать, не без содействия заинтересованных взрослых) потребовал компенсации морального ущерба в размере 70 тысяч рублей. Суд смилостивился над ответчицей и “сскотил” сумму до 30 тысяч. Учительница после этого уволилась. Как чувствует себя несовершеннолетний истец и какой урок получили остальные учителя, читатель, думаем, представит себе, не слишком напрягая воображения.

Другая история произошла в Москве, которая, между прочим, тоже относится к ювенально-пилотным регионам. Отец, воспитывая тринадцатилетнюю дочку один, приучал ее бегать по утрам. Соседки сообщили в органы опеки, что он “мучает ребенка”. Они вообще-то и раньше любили жаловаться, и 20 лет назад доносили куда надо на мать женщины, поведавшей нам эту историю, – в тот раз им не нравилось, что ребенка “мучают” уроками музыки. Но тогда сигнал остался без ответа. Зато сейчас ответ последовал незамедлительно – отец и глазом моргнуть не успел, как его лишили родительских прав, а девочку поместили в детдом. Потом она, правда, как нидерландская Ирина, сбежала домой. И, поскольку ювенальное законодательство у нас еще не принято, а в деле было допущено множество нарушений, от этой семьи отстали и девочка опять живет с отцом. При этом оказалось, что вернуть родительские права отцу куда труднее, чем их лишиться.

В Псковской области практически одновременно у двух матерей-одиночек пытались отнять детей: у одной троих, у другой четверых. Мотив – бедность, потеря работы. Точь-в-точь как во Франции, где, судя по обращению французской ассоциации “Защита” (приведено в книге Г. Пастернака), “система социальных служб незаконно отнимает детей у родителей, потерявших работу”.

Снова вернемся в столицу. Мать троих дочерей. Средняя дочь шестнадцати лет связалась с дурной компанией и села на иглу. Мать обратилась за помощью в наркодиспансер и получила ответ, что девочку можно попробовать полечить, но только если она не знает своих прав и ее удастся как-то заманить на лечение. Если же она свои права знает (а та девочка знала), то дело швах. В демократической России принудительное лечение запрещено.

Мать пошла в милицию, поскольку девочка вдобавок к наркомании, как это часто бывает, еще скандалила и дралась. Но там услышала примерно следующее: “Мы, конечно, можем передать Ваше дело в Комиссию по делам несовершеннолетних. Но, учтите, сейчас такая ситуация... Короче, ребенка могут отнять, потому что у Вас маленькая жилплощадь”.

– Представляете? – возмущалась потом эта женщина. – Вместо того чтобы улучшить наши жилищные условия, говорят, что они не соответствуют правам ребенка!.. Нет, я, честно говоря, даже не против, чтобы Люду забрали в какой-нибудь хороший интернат и вложили ей ума. Но сейчас, говорят,

новые порядки. Если забирают – то всех. Старшую, положим, не заберут, ей уже восемнадцать. А младшую-то почему я должна отдавать? Она и учиться хорошо, и в церковь ходит, и музыкой занимается. Если ее оторвать от семьи, мало ли что с ней будет? Да, с Людой я не справляюсь. А Варя-то тут при чем?

Беседа с этой матерью, мы, естественно, вспомнили ту французенку, у которой второго ребенка, онкологически больную дочь, тоже отняли “за компанию”. Вспомнили и русского отца, о котором шла речь в одной из телепередач. После смерти жены он остался с восемью детьми. Органам опеки и соцзащиты не пришло в голову оказать ему материальную поддержку или выделить социального работника в помощь осиротевшим детям. Зато захотелось отнять их всех у отца. Для их же собственного блага и в рамках борьбы с бедностью.

Так что в вышеописанных случаях никакой российской специфики не наблюдается. Хотя она, конечно, не исключена. Но проявляться может, на наш взгляд, в другом. На Западе отнятых у родителей детей за границу не продают. Наоборот, там готовы покупать сирот – из Азии, Латинской Америки, Африки. Дети из России – тоже очень желанный товар, и, может быть, именно в ожидании ювенальной юстиции открываются в России иностранные агентства по усыновлению.

“Как во всем цивилизованном мире”...

Конечно, у всех родителей детей не отнимут. Как сказала Зоя Космодемьянская, – “всех не перевешаете”. Но жизнь в условиях постоянного мониторинга (а “ювенальщики” уже не раз проговаривались, что в идеале каждая семья должна быть под их контролем) качественно изменится. И самая большая для нас загадка – почему безмолвствуют граждане либерального склада, для которых свобода вроде бы есть главная жизненная ценность? Неужели Запад до сих пор их так магически зачаровывает, что они готовы приветствовать абсолютно все, раз оно исходит оттуда?

Мы, например, себя к либералам не причисляем, да и детей у нас маленьких, которых можно отнять, уже нет. Но жизнь под контролем и по указке ювенальных служб представляется нам крайне унижительной. На наш взгляд, это недопустимое ущемление человеческой свободы, человеческого достоинства. Ведь любой взрослый человек воспринимает свой дом как территорию свободы.

Это в подростково-юношеском возрасте многие жаждут вырваться из дома на волю, поскольку их стесняет главенство родителей. Но обретя свой собственный дом, свою семью, человек именно там чувствует себя наиболее свободным, так как там он обустроивает все по своему разумению. И попытки постоянного вмешательства, в виде критики и особенно навязывания своих понятий или вкусов, могут восприниматься болезненно. Даже когда эти попытки исходят от близких родственников, которым позволено куда больше, чем чужим.

И самое, пожалуй, ценное для современного семейного человека на его домашней территории – это дети и право их воспитывать так, как он считает нужным. Безусловно, существуют определенные нравственные ограничения, но для нормальных людей они не проблема, поскольку люди с ними согласны без принуждения извне. А в остальном воспитание детей представляет собой широкое поле для свободы и творчества взрослых. Причем сегодня многим взрослым больше негде насытить эту живущую в каждом человеке потребность в творческой реализации. Ведь далеко не у всех работа творческая и интересная. И, может быть, поэтому воспитание детей сейчас представляет для значительного числа молодых родителей особую ценность.

Но даже для тех, кто не очень жаждет заниматься своими детьми, все равно очень важно чувствовать себя дома свободно, расслабленно. Отдыхать от напряжения, накопленного за день, и, переступая порог, как бы давать самому себе команду “вольно”. А жизнь по указке ювенальных служб и, тем более, по решению ювенального суда эту домашнюю вольницу упряднит. Дом, семейная жизнь, воспитание детей перестанут быть территорией свободы и, напротив, превратятся в источник постоянной тревоги, постоянного напряжения, постоянного страха.

Вероятно, люди с либеральными установками думают, что их ювенальный контроль не коснется, поскольку они-то как раз воспитывают детей в духе

времени, не ущемляя их в современных развлечениях типа компьютерных игр или дискотек, не видя ничего страшного в сексуальных отношениях подростков и т. п. Может быть, такие родители и не одобряют крайностей, но в целом их современная жизнь вполне устраивает. И поэтому в либеральном стане нет никакого волнения по поводу ювенальной юстиции (тем более что и “во всем цивилизованном мире” она существует).

А зря! Ведь жизнь может повернуться совсем по-другому (да и уже поворачивается). Если в стране окончательно победит курс на патриотизм и укрепление государственности, если власти будут более решительно поддерживать традиционные нравственные ценности, то именно таким родителям ювенальные службы смогут предъявить тогда вполне обоснованные претензии. К примеру, школьный омбудсмен, поговорив с мальчиком и узнав, что папа называет армию “преступной организацией”, а по поводу президента и вовсе употребляет выражения, граничащие с нецензурными, подаст рапорт, в котором напишет, что в семье проводится антигосударственная пропаганда. И “жизнь по решению суда” может в данном случае выглядеть (если ребенка не отнимут, что тоже весьма вероятно) следующим образом: родителям запретят вести “подрывные” разговоры и, возможно, обяжут пройти какой-нибудь психотренинг для нормализации патриотических чувств. Мальчика же придется отдать на все лето в военно-патриотический лагерь, а осенью – в кадетский корпус.

В других аспектах духовно-нравственного воспитания тоже могут возникнуть нештучные проблемы. Омбудсмены вкупе с прочими ювенальными работниками будут вправе произвести тщательный досмотр аудио-, видео- и печатной продукции, которая имеется в доме ребенка, попавшего в “опасную ситуацию”. (Напоминаем, что в ней, по отзывам “ювеналов”, находятся практически все наши дети.) И вовсе не факт, что при установке на укрепление традиционно-нравственных ценностей наличие в семейной фильмотеке таких шедевров мирового кино, как “Гибель богов” Висконти, “Город женщин” Феллини, “Последнее танго в Париже” Бертолуччи или “Ночной портье” Кавани, не говоря уж о произведениях более молодых прославленных режиссеров типа Педро Альмодовара, будет воспринято с пониманием. Очень может быть, что, опираясь на статьи УК, соответствующие органы квалифицируют хранение в доме подобных шедевров как интеллектуальное растление несовершеннолетних. И тогда родителям-кинолюбам придется не только лишиться родительских прав, но и, не исключено, посидеть в тюрьме. Аналогичным образом могут отреагировать защитники прав детей и на хранение дома женских любовных романов, глянцевого журнала с обнаженными красотками и даже рекламных газет, где наряду с объявлениями о продаже мебели и машин указаны телефоны “девочек и мальчиков по вызову”. И поди докажи, что ты не верблюд, что фильмы взрослые члены семьи смотрели поздно вечером, когда дети спали, что книжный шкафчик с “легкой эротикой” запирался на ключ, а газеты и вовсе уже пожелтели от времени и хранятся исключительно для ремонтных работ...

Только очень легкомысленные люди могут считать, что нарисованные нами картины – алармистская антиутопия. Даже во Франции, где традиционно почитают закон, в ювенальных делах царит произвол, который может быть обусловлен характером судьи, его сегодняшним настроением, ее неудавшейся личной жизнью. Главное, что создается механизм, позволяющий этот произвол осуществлять. Известный борец за введение ювенальной юстиции нарколог и правозащитник О. В. Зыков как-то заявил на одном из заседаний, посвященных данному вопросу, что его дети хорошо воспитаны и потому не будут жаловаться на него в суд. Большевики, запуская механизм репрессий, тоже думали, что он будет направлен только на “плохо воспитанных” классовых врагов. Но вскоре сами оказались жертвами собственного законотворчества.

Не подменяет, а подминает

И тут возникает необходимость рассмотреть еще одну проблему. Быть может, самую важную, но о которой пока почему-то молчат. Впрочем, молчат не все. На круглом столе на тему “Становление ювенальной юстиции в России: опыт, проблемы и перспективы”, состоявшемся в Госдуме 20 марта 2006 года, председатель Комитета по законодательству В. Н. Плигин выразил обеспокоенность, не начнет ли суд выполнять функции других систем власти. “Получается, – сказал он, – что мы предлагаем суду выполнять не роль право-

судья, собственно говоря, а мы предлагаем в настоящее время суд обозначить как координатора по всем случаям, которые попадают в поле зрения суда”.

Вразумительного ответа на этот свой вопрос он не получил. Нет, конечно, его постарались успокоить. “Суд не будет заменять никакие ведомства, – сказала председательствовавшая на круглом столе депутат Е. Ф. Лахова. – Министерства образования, здравоохранения, внутренних дел, комиссии по делам несовершеннолетних, службы занятости и т. д. – все знают, что им делать... Но суд, – добавила она, – должен быть над всеми, независимо от того, совершено или не совершено ребенком правонарушение... Суд должен быть над всеми ведомствами. Именно суд должен сказать сегодня, что делать, какое ведомство недоработало”.

Однако суд, напомним еще раз, не только высказывает свое мнение, но и взыскивает. И его решения, снова напомним, обязательны. Таким образом, под лозунгом защиты прав ребенка по существу делается попытка построить параллельную вертикаль власти. Ведь что означает заявленный тезис – суд должен быть над всеми ведомствами и говорить, что им делать и кто что недоработал? Пока что ведомства подчиняются своим главам – министрам, те – премьер-министру, тот – президенту. И никакой суд не указывает никому из них, что им делать. Хотя, разумеется, проворовавшегося министра теоретически можно отдать под суд.

Выходит, в новой ювенальной реальности нарушается принцип разделения властей, – судебная власть подминает под себя исполнительную. А если решение министра не совпадет с решением ювенального суда, кто будет главнее? И кем будет управлять президент, если все ведомства будут подчиняться ювенальному суду, а судебная власть по Конституции независима и президенту не подчиняется?

Причем в перспективе планируется создание семейного суда, который вберет в себя функции суда ювенального и, кроме того, будет рассматривать все дела, в которых так или иначе затронуты интересы несовершеннолетних. А ведь это подавляющее большинство судебных дел, поскольку у большинства наших граждан есть дети или внуки, а заметное число людей связано с детьми по роду работы. Таким образом, новый суд может подмять под себя не только Министерства образования, здравоохранения и внутренних дел, но и Минфин (интересы детей практически всегда связаны с финансовым обеспечением) или, скажем, Министерство обороны. А почему нет? У многих призывников есть малолетние братья или сестры – вот вам и основания.

О демократии тогда, естественно, придется позабыть; узурпация власти судом – это уже совсем другая песня. Не мягкая стилистика плюрализма, а жесткий стиль диктатуры. Во время судебного заседания, как известно, судья может удалить человека из зала за малейшее, на его взгляд, нарушение. И он как миленький удалится. Иначе выведут под руки. А тут вся жизнь будет проходить в этом директивно-карательном режиме, – родителям, бабушкам-дедушкам и прочим взрослым гражданам придется отвечать “по всей строгости закона”.

В книге “Смерть Запада” видный американский политик П. Дж. Бьюкенен цитирует известного американского судью Роберта Борка, который, называя членов Верховного суда США бандитами, сетует, что судебная власть страны “приобрела диктаторские замашки” (М., АСТ, 2003, стр. 346–347). У нас, вероятно с поправкой на российскую специфику, роль аналогичного “диктатора на местах” призван, по-видимому, сыграть ювенальный суд. При этом соответствующая вертикаль, естественно, достроится до конца: в Верховном суде предусмотрена ювенальная судебная коллегия, которая будет рассматривать дела в качестве второй инстанции. Выше – кассационная коллегия Верховного суда, а еще выше – его Президиум, куда, надо полагать, если закон о ювенальных судах будет принят, введут специалистов по правам детей.

Россия в XX веке диктатуру уже проходила, был у нас, в отличие от большинства стран Запада, этот трагический опыт. Это по части “прав ребенка”, “планирования семьи” или толерантного отношения к наркоманам и секс-меньшинствам мы малость отстали от “цивилизованного мира”. Можно сказать, мы в этом отношении еще дети. Зато опыт жизни по Оруэллу у нас будет посолидней. Тут мы – умудренные опытом старики. И добровольное согласие повторить этот кошмар означает впадение в детство. Иначе говоря, старческий маразм. Чего, право, очень не хотелось бы.